

Эдуард РОЗЕНШТЕЙН

Эдуард Розенштейн родился в 1973 году в Киеве. С 1997 года живет в Израиле. Учился в Иерусалимском университете. Публикации: «Иерусалимский журнал», «Воздух», в «TextOnly» (под псевдонимом Арсений Былинкин).

***

Такие романы хорошо идут в Германии,
провинция, семья, плохие новости
не потревожат нашей горестной гармонии,
немного доброй материнской местечковости.

Рахель в девичестве и Суламифь в замужестве,
затем обеих в Бабьем Яре, в этом ужасе.
Зачем-то выжившее жалкое отрочество,
гевалт, кирдык, ой вэй так и переводятся.

Набор все тот же, важна тематизация,
и в ход идут слова, слова из прошлого,
теплушка, дифтерит, эвакуация,
трупик дитя на неизвестной станции
и воздаянием за все экранизация.

***

Поманила прохлада еще одного оливкового сада.
Сколько их в нашем небесном граде?
Дыхание, одухотворенное ментоловой кэнди,
могучая челюсть английского проповедника,
под мягкий шелест искусственного ручья,
с упором колена между лопаток,
упражняется,
мнет и вправляет шейные позвонки,
ласково проводит рукой по загривку,
неужели ты не понимаешь, что господь любит даже таких как ты,
висят флаги, как скальпы новообращенных,
группа филиппинцев непременно хочет, чтоб я с ними сфотографировался,
поэтому расслабься, ты тоже для кого-то местная достопримечательность,
ты тоже в далекой Маниле, как это дерево,
приобретешь неизвестное тебе значение.

***

Когда тебе исполнится смерть отца,
никто не знает, этот возраст скрыт

когда подстерегает ритуал
которого не знаешь
за этой дверью скажут что сказать
сюда
входи же

чтобы войти
ты непроизвольно ссутулишься
и остановишься в росте

кряжистая походка старух и сирот
почва осела где-то на уровне крестца
и кость как у дерева
начала расти вширь.

Участок для мамы

Вкладываться надо с умом,
вкладываться в землю, вкладываться в небо
(здесь самые высокие проценты),
вкладываться в женщину,
как в большую розовую копилку с подрисованными бровями,
потруси ее и в ней зазвенит твое многодетное бессмертие,
вкладываться надо с умом, не разбазаривая.

Остался только один участок земли,
но дорогой, с подзахоронением, не вширь, но вглубь.
И заломил цену.
Пришлось купить, чтоб не в стену.
И раввин впервые посмотрел на меня с уважением:
ты сделал хорошее вложение.

***

маленькое черное
как на рентгеновом снимке
прожигает через увеличительное стекло
газета на автобусной остановке
порывисто
вздымает к небу молитвенно сложенные кулаки
прикосновение паяльника
сквозь слоистое марево
слабое дуновение канифоля
цоканье деревянных колес
как будто кто-то угнал из Национального музея
шикарный венгерский катафалк
гордость коллекции
поблескивая лаком

медленно цокает по деревянному настилу
у кафе Rozmarin
вдоль последнего слова архитектурной техники
ложные окна пирамид в честь умерших спонсоров.

Адвокаты риэлторы банковские работники
судьи маклеры брокеры подрядчики девелоперы
однотонные рубашки и галстуки
черные тупоносые туфли по местной моде
излюбленный подиум окрестных воротил кофейного навара
о эти бесконечные покачивания чреслами
в почасовых гостиницах
дарящие иллюзию бессмертия!
блаженно растянуться в плетённом кресле
как на кладбище после занятий любовью
кафе Rozmarin у больницы Ихиллов заряжает особой энергией.

Блестящий черным лаком венгерский катафалк
медленно цокает по деревянному настилу
сквозь мягкие ткани и сухожилия
глазные прорехи и костный мозг
блаженная пенка капучино
сладкая горечь эспрессо
я буду вспоминать тебя
смачный хруст диетического печенья
сочный прихлеб всхлип предсердья
влажный прищур женское и правое
старое и живое мужское и мертвое.

Черный шикарный венгерский катафалк
длинной влажной бессонной ночью
кого ты пытаешься обмануть
прикинувшись что спишь
комком грязи плевком плоти
вжавшись и обхватив
вцепившись и не отпуская
но сползая сползая
тяжелой каплей расплавленного олова
не оставляя следа

Счастливые потребители фармацевтического фастфуда
центр разветвленной сети больничных касс
финансовые потоки фармакологической индустрии
царственное высокое сиденье амбуланса
как букашки разбегаются в разные стороны легковушки
беснуются тысячи всадников твоего частного апокалипсиса
в этом городе властвует не секс и не смерть
но предсмертие
бесстрастно развалился на соседнем сидении возница
кого везем?

гони не гони
покачиваемся на месте взад-вперед
как на детской деревянной лошадке
разбегаются в стороны
беспорядочные узкие тель-авивские улочки
как будто отцы нации из восточно-европейских местечек
Фришманы и Фишманы
улепетывают и улепетывают от лощенного казака
в белых рейтузах с красными лампасами.

В предутренней прохладе тебе наконец приснится
одновременный скрип уключин черная барка
скользит вдоль стен города где нет ни каналов
ни лошадей в плюмаже ни савана ни возницы
только цоканье узких колес венгерского катафалка.

***

По утрам, когда мусорщики, как моряки,
висят на своих мусоровозах, бороздя
пустынные просторы южного Тель-Авива,
овеваемые свежим гнилостным бризом,
они картинно подносят руку к глазам
и вглядываются в даль, как оперные певцы,
солнце слепит глаза,
на ходу они соскакивают со своих мачт
и вперевалочку с непривычки,
разминая ноги на земле, как настоящие жители морей,
вытягивают из-за пояса рукавицы с широкими раструбами
и ловко поддевают контейнеры, майна!
Вонючая жижа со дна, арбузные корки из порванных кульков
и дохлые кошки расплескались по асфальту, не беда!

По утрам из окна, как ребенок, вытягивая шею,
я люблю смотреть, как они,
бесстрашно держась одной рукой,
второй плавно загребают воздух,
соскакивая на ходу, как будто пустятся сейчас
в матросский танец вприсядочку с залихватским
выбрасываньем коленец и прихлопываньем по голенищам,
как славно, наверное, нестись по пустынным улицам,
обдавая первых прохожих сногшибательными волнами
неведомых будоражащих глубин,
когда я вырасту, я тоже обязательно стану мусорщиком.

***

приветливо помахав

на итальянский манер
ладонью к себе
как бы подбадривая
cheer up! – как они говорят
странная манера плавать
загребая ладонью не воду
но воздух над головой

немного выпренно
я бы сказал эксцентрично
махать незнакомым людям
возможно это заплыв
не в длину а в глубину
да уже видишь
осталась одна ладонь
приветливо помахав
на итальянский манер

***

а крыша зацвела, дернина зацвела
цветами, название которых еще найду
в учебнике по ботанике душистом
как все новые учебники в августе

неужели больше никогда
не будет хрустеть на разломе
как откровение твоих колен
девственная биология за 8-й класс

я жадно проглатывал их еще в августе
историю биологию ботанику
я спешил понять, что будет со всеми нами
кроме скучного учебника по литературе.